

Иллюстрации Ф. О. К. Дарли

ГЛАВА I

*Душистый дёрн укроет плоть,
Небесный свод — мой храм, Господь!
В моём кадиле — ветры гор,
Мне мысль — молитва с давних пор.*

Томас Мур. Священные песни*

Кто не знает, какое впечатление величия исходит от необъятного! Самые возвышенные, самые смелые мысли посещают поэта, когда он заглядывает в бездны неизмеримых просторов, и с особенной живостью ощущает он тогда собственное ничтожество. Не может оставаться безучастным тот, кто впервые зрит перед собой ширь океана, и даже в безбрежности ночи находит наш ум подобие величия, поражающего нас в грандиозных явлениях природы, всю мощь которых не в силах постигнуть наши чувства. Нечто близкое восторгу и благоговейному страху, этому порождению возвышенного, ощущали при взгляде на раскинувшийся перед ними пейзаж и четверо несхожих меж собой персонажей, коим довелось открыть наше повествование. Вчетвером — двое мужчин и две женщины — взобрались они на груды поваленных ветром деревьев, чтобы оглядеться по сторонам. Такие места и поныне зовутся в этих краях ветровалами. Впускающая небесный свет в тёмные, душные лесные трещины, они образуют как бы оазисы в торжественных сумерках американских нерубленых лесов. Описываемый здесь ветровал находился на косогоре пологого холма, и взору путника, взобравшегося на его верхушку, открывались широкие дали — нечаянная радость для странника, блуждающего в дебрях лесных. Небольшой клочок

---

* Стихотворные эпиграфы выполнены Р. Сефом, за исключением особо оговорённых.

земли, но благодаря его расположению высоко на склоне холма, над уходящей книзу прогалиной, вид отсюда простирался много дальше, чем можно было предположить. Философы ещё не установили природу стихий, производящих в лесу такие опустошения; некоторые учёные видят в этом разрушительное действие ветров, подобных тем, что образуют в океане смерчи, тогда как другие ищут причину во внезапных и сильных электрических флюидах; но самоё явление достаточно всем знакомо. На кромке ветровала, о коем здесь идёт речь, слепые стихии так нагромоздили дерево на дерево, что двое странников не только сами вскарабкались на высоту в тридцать футов, но и увлекли за собою — где уговорами, а где и вовремя оказанной помощью — обеих своих спутниц. Огромные стволы, сломанные и раскиданные как попало мощными порывами ветра, лежали навалом, словно бирюльки, меж тем как их ветви, всё ещё благоухающие увядшей листвой, переплетались, давая рукам надёжную опору. Один вывороченный из земли великан торчал мощным комлем кверху, и на его разлапых корнях сохранился толстый слой земли, который и послужил своего рода удобными мостками для наших четверых путников, озиравших окрестность.

Пусть читатель не ждёт здесь от меня описания людей из высших слоёв общества. Это были всего лишь странники, блуждающие в дебрях лесных; но, даже отвлекаясь от этого, надо сказать, что ни обычный их жизненный уклад, ни положение в свете не приобщили их к преимуществам избранного круга. Двое — мужчина и женщина — были местные уроженцы, исконные хозяева этой земли, ибо они принадлежали к неизвестному индейскому племени тускароров; что же касается их спутников, то мужчина, судя по его внешнему виду, всю жизнь скитался по морям, и лишь в качестве простого матроса, да и сопровождающая его девушка вышла из той же неприятельской среды, однако юность и миловидность,

---

а также скромные и живые манеры придавали её облику тот отпечаток ума и душевного изящества, который сообщает прекрасному полу двойное очарование. Вот и сейчас её выразительные голубые глаза светились восторгом, а милое личико подёрнулось той лёгкой задумчивостью, какую вызывают в одарённых натурах сильные ощущения — даже в тех случаях, когда они приносят нам одну лишь незатуманенную радость.

И в самом деле, кто бы мог остаться равнодушным к картинам окружающей природы? К западу, в том направлении, куда были обращены лица путников и где, собственно, и открывались необъятные дали, взор блуждал по лиственному океану, отливающему всеми оттенками зелени представленной здесь роскошной растительности и расцвеченному богатейшей гаммой красок, столь обычных для сорок второго градуса широты. Вяз со своей изящной плакучей кроной, все многочисленные разновидности клёна, а также благородные породы американского дуба и широколистная липа, известная в местном просторечии под именем мочальницы, — все эти деревья, переплетаясь верхними сучьями, образовали как бы необозримый лиственный шатёр, простирающийся в сторону заходящего солнца и теряющийся в облаках на горизонте, подобно тому как волны морские сливаются с небесной синевой у основания небосвода. Тут и там небольшой просвет между лесными исполинами, образовавшийся либо по капризу природы, либо по воле бушующих стихий, позволял какому-нибудь дереву не столь мощной осанки пробиться к солнцу и вознести свою скромную вершину чуть ли не на уровень зелёного полога. К таким деревьям принадлежали берёза — немало важная особа в менее благословенных местах, трепетная осина, различные виды орешника, а также другие представители меньшей лесной братии; они казались чем-то вроде худородных, невзрачных гостей, затесавшихся в общество родовитых и знатных вельмож. Тут и там

стройный гладкий ствол сосны, прорвав этот полог, высоко возносил над ним свою главу, словно изящный обелиск, искусно воздвигнутый над лиственным долом.

Бескрайние просторы и почти безупречная гладь зелёного океана и создавали здесь впечатление величия. И без того нежная игра красок, приглушённая переливами светотени, рождала ощущение совершенной красоты, тогда как торжественное спокойствие природы настраивало чувства на благоговейный лад.

— Дядюшка, — вскричала приятно изумлённая девушка, обращаясь к старшему спутнику, за локоть которого она почти неощутимо держалась, очевидно не доверяя достаточно крепкой, но несколько шаткой опоре под ногами, — разве это не похоже на ваш любимый океан?

— Вздор и детские фантазии, Магни! — Так дядюшка в шутку называл племянницу; воздавая дань её девичьей привлекательности, он образовал это имя от слова «магнит». — Только ребёнку придёт в голову сравнивать какую-то пригоршню листьев с Атлантическим океаном. Все эти маковки деревьев, если их собрать в охапку, сложатся разве что на скромный букетик, чтобы украсить грудь Нептуна.

— Хорошо сказано, дядюшка, но вы, кажется, хватили через край. Здесь на мили и мили кругом нет ничего, кроме листьев. А что особенного в вашем океане?

— Сравнила! — рассердился дядюшка, нетерпеливо выдёргивая у неё свой локоть, ибо руки он глубоко засунул в карманы красного суконного камзола, какие были в ходу у тогдашних модников. — Что за сравнение, Магни! Ну где, скажи, тут пенистые волны? Где голубая вода, и солёные брызги, и буруны, и опять же — где киты, и свирепые тайфуны, и непрерывное бултыханье волн на этом несчастном клочке леса, дитя моё?

— А найдёте вы на море эти зелёные султаны деревьев, благословенную тишину и пьянящий запах

листьев и всё это зелёное очарование? Найдёте вы что-либо подобное на море, дядюшка?

— Вздор, Магни! Кабы ты хоть что-нибудь смыслила, ты знала бы, что зелёная вода — проклятье для матроса! Всё равно что зелёный новичок на вахте.

— Но при чём же тут зелёные деревья? Т-ш-ш! Слышите? Это ветерок дышит в листе.

— Уж если тебе нравится ветер, девочка, послушала бы ты, как воеет в снастях норд-вест! А где у вас тут штормы и ураганы, где муссоны и пассаты* в этой богоспасаемой лесной стороне? Я уж не говорю про рыбу, — её здесь и в помине нет.

— Что ж, здесь тоже бывают нешуточные бури, это видно с первого взгляда. А лесные звери — разве их сравнить с рыбами!

— Это как сказать, — заявил дядюшка с непререкаемой авторитетностью бывалого матроса. — Чего нам не порассказали в Олбани** про хищных зверей и что будто мы с ними столкнёмся, а ведь нам не подалось ничего такого, что испугало бы даже тюленя. Я так полагаю, что никакие дикие звери не могут сравниться с акулой южных широт.

— Посмотрите-ка, дядюшка! — воскликнула племянница, которую больше занимала величественная красота бескрайнего леса, чем доводы её почтенного родственника. — Вон там, над верхушками деревьев, вьётся лёгкий дымок. Неужто здесь люди живут?

— А ведь верно! — подтвердил старый моряк. — Дым говорит о присутствии людей, а это стоит тысячи деревьев. Надо показать его Разящей Стреле — с такого

---

* Муссоны — сезонные ветры, зимой дующие с суши на море, а летом — с моря на сушу. Пассаты — ветры, постоянно дующие в близких к экватору частях океана.

** Олбани — один из старейших городов Северной Америки (сейчас административный центр штата Нью-Йорк).

дикаря ещё станется: проскочит мимо гавани, так её и не заметив. Там, где дымок, должен быть и камбуз*.

И дядюшка, вынув руку из кармана, тронул стоявшего рядом индейца за плечо и показал ему на чуть заметный виток дыма, который вырывался из лесной чащи примерно за милю от них и, расплываясь почти невидимыми струйками, бесследно исчезал в дрожащем воздухе.

Тускарора был одним из тех внушительного вида воинов, которые чаще встречались среди коренного населения страны в прошлом веке, нежели в нынешнем; он достаточно тёрся среди колонистов, чтобы познакомиться с их обычаями и даже языком, но почти не утратил первобытной величавости и естественного достоинства, присущих вождям индейского племени. К старому моряку он относился дружелюбно, но с заметной сдержанностью, ибо индеец, встречавшийся с офицерами на военных постах, где бывал частым гостем, не мог не понимать, что перед ним лицо подначальное. От невозмутимой замкнутости тускароры веяло таким сознанием своего достоинства, что Чарльз Кэп — ибо так звали нашего моряка — не решался даже в минуты безудержного бахвальства обращаться с индейцем запанибрата, хоть их путешествие длилось уже больше недели. Но сейчас этот дымок, курившийся над лесной глухоманью, так же взволновал моряка, как, бывало, внезапное появление паруса в море, и впервые за время их знакомства он отважился тронуть индейца за плечо.

Зоркий глаз тускароры сразу же различил в воздухе колечки дыма. С минуту он стоял, слегка привстав на носки и раздувая ноздри — точь-в-точь олень, почувший в воздухе смутную угрозу, — и вперив в пространство недвижный взгляд, словно учёный пойнтер, ждущий хозяйского выстрела. Потом, опустившись

---

* Камбуз — корабельная кухня.

на пятки, издал чуть слышное восклицание, столь же характерное для индейца, как и его воинственные вопли; больше он ничем не выдал своего волнения. Лицо его сохраняло неподвижность маски, и только быстрые чёрные орлиные глаза внимательно обшаривали листовенную панораму, точно стараясь не упустить ничего заслуживающего внимания. И дядя и племянница понимали всю опасность предпринятого ими путешествия по нехоженным, диким местам, но ни он, ни она не могли судить, добро или зло вещает им эта неожиданная близость человека.

— Где-то здесь охотятся онейды или тускароры. Разящая Стрела, — сказал Кэп, называя своего спутника-индейца его английским именем. — Неплохо бы к ним присоединиться. Эх, соснуть бы ночку на удобной койке!

— Вигвам нет, — ответил Разящая Стрела с обычной невозмутимостью. — Слишком много дерево.

— Но должны же здесь быть индейцы. Может, кто из ваших старых земляков, мастер Разящая Стрела?

— Не тускарора, не онейда, не мохок — бледнолицый!

— Чёрта с два! Ну, знаешь, Магни, такое даже моряку не сморозить. Мы, старые морские волки, носом отличаем дух матросского табачка от солдатской люльки или логово неопытного новичка от койки заправского матроса; но даже старейшему адмиралу во флоте его величества не отличить по дыму из камбуза королевское судно от простого угольщика.

Мысль, что где-то по соседству в этой глуши обретаются человеческие существа, взволновала его прелестную спутницу; румянец ещё живей заиграл на её свежих щёчках и глаза заблестели; но и она растерянно повернулась к своему родичу и сказала нерешительно (обоим им не раз приходилось дивиться необыкновенным познаниям тускароры, его, можно сказать, вещему инстинкту):

— Огонь бледнолицего! Но он не может этого знать, дядюшка!

— Десять дней назад, дорогая, я бы в этом поклялся, а сейчас уже не поручусь. А дозволейте вас спросить, Разящая Стрела, с чего вы взяли, будто это дым бледнолицего, а не краснокожего?

— Сырой дрова, — ответил воин наставительно, словно учитель, объясняющий арифметическую задачу бестолковому ученику. — Много сырость — дым большой; много вода — дым чёрный.

— Но разрешите заметить, мастер Разящая Стрела, дым ничуть не чёрный и совсем его даже не много. На мой взгляд, к примеру сказать, это такой же лёгкий кудрявый дымок, какой вьётся над капитанским чайником, когда за неимением ничего другого кипяتيش его на старой стружке, которой устилают трюм.

— Много вода, — повторил индеец, выразительно кивая головой. — Тускарора хитрый — не разводи огонь из вода. Бледнолицый слишком читай книга, он что хочешь жги. Много книга, ничего не знай.

— Что ж, это он правильно сказал, я с ним согласен, — подтвердил Кэп, не видевший в учёности большого проку. — Он в тебя метит, Магни, в твои книжки. Вождь по-своему неглупый малый... А далеко ли ещё, Разящая Стрела, по вашим расчётам, до этой лужицы, под названием Великое Озеро? Мы уже который день к ней пробираемся, а всё конца не видно!

Тускарора посмотрел на моряка с видом спокойного превосходства.

— Онтарио что небо, — сказал он, — одно солнце, и великий путешественник его увидай.

— Что ж, я и есть великий путешественник, не стану отпираться, но из всех моих путешествий это самое нудное и бестолковое. И добро бы оно к морю вело, а ведь мы в обратную сторону плетёмся. Нет, ежели бы эта шайка пресной воды была под самым нашим боком